

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

MEMORY STUDIES В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ*

Национальные школы *memory studies* в целом плохо изучены, за исключением французской, немецкой и американской традиций. Цель статьи – восполнение этого пробела и рассмотрение процессов формирования польской школы исследований культурной (социальной) памяти. Анализируются теоретические подходы польских исследователей, работавших в межвоенный период. В центре внимания – вклад в развитие теории культурной (социальной) памяти Л. Кшивицкого, К. Келлес-Крауза, Ю. Халасиньского, Ф. Знанецкого, а также одного из классиков польской социологии С. Чарновского. Их идеи были связаны с практиками нацистроительства, что было обусловлено ситуацией, в которой находилось польское общество, решавшее задачу восстановления государства после периода разделов. Конкурсы мемуаров, организованные во Второй Речи Посполитой рассматриваются в статье как «кинститут памяти», созданный польскими интеллектуалами, а также как механизм трансформации автобиографической памяти в национальную. Делается вывод о том, что межвоенная Польша была активно включена в процесс формирования первых исследовательских программ *memory studies*. Наиболее тесные связи у польской школы исследований коллективной памяти в это время были с марксизмом, французской социологической и чикагской школами.

Ключевые слова: *memory studies, Польша, нацистроительство, польская государственность, коллективная память, польские социально-гуманитарные науки.*

Рефлексия на тему присутствия и функционирования прошлого в настоящем в истории западной мысли начинается с рубежа XVIII–XIX вв. Революционные изменения во всех сферах жизни, в формах мышления о мире вызвали острое переживание разрыва «связи времен». Ответом на шок модернизации и революции стали историзм, романтизм, политический консерватизм. Исторический роман и живопись, профессионализация исторической науки, программы сохранения и реставрации памятников прошлого, ориентация на прошлое в политике в диапазоне от реакционного желания вернуть Средневековье до либеральных проектов прогресса с опорой на традиционные ценности. Интересные, хотя и фрагментарные, не сложившиеся в целостные теории, рефлексии о влиянии прошлого на настоящее регулярно появляются на протяжении этого столетия. Достаточно вспомнить О. Конта, К. Маркса, Ф. Ницше, Э. Ренана. Однако в целом XIX век был более ориентиро-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Память о русско-польских отношениях в Российской империи в мемуаристике межвоенного периода» (№13-01-00070).

ван на будущее, которое должно было непременно быть «светло и прекрасно» в соответствии с непреложным законом поступательного прогресса, открытым детищем этого века – социологической наукой.

Следующая волна интереса к «прошлому-в-настоящем» и «прошлому-для-настоящего» относится уже к концу XIX – первой трети XX в., когда возникли первые систематические теории, созданные в 1920-х гг. М. Хальбваксом и А. Варбургом, а вместе с ними в обиход вошли и соответствующие понятия – «коллективная память» Хальбвакса и «социальная память» Варбурга. Рубеж веков принес обостренное чувство власти прошлого над современностью. Кризис просветительской идеи поступательного прогресса и формирование неоромантизма изменили духовный климат Европы. Показательно, что понятие «коллективная память» впервые встречается не в трудах ученых, а в одной из речей австрийского поэта и драматурга Гуго фон Гофманстала в 1902 г., когда он сказал: мы живем в окружении «пластов коллективной памяти». По мере нарастания кризиса имперских государственных образований в Восточной, Центральной и Южной Европе тема памяти становится все более актуальной. Образы прошлого использовались в предвоенной и военной пропаганде, более того – лидеры национальных движений все яснее осознавали, что будущий передел мира по итогам мирового конфликта открывает возможности реализовать самые смелые, и, казалось бы, несбыточные проекты создания национальных государств. Одним из самых сложных в Европе был именно «польский вопрос», поскольку его разрешение затрагивало сразу три империи и было невозможно без их глубокого кризиса и конфликта.

В результате Великой войны возникла совокупность государств Центральной и Восточной Европы, каждое из которых было озабочено проблемой формирования собственной национальной идентичности. Между этими странами крепло ощущение общности исторической судьбы и начала складываться региональная идентичность, сопровождавшаяся поисками общего прошлого, объединяющей памяти. Новые национальные государства, возникшие в результате версальских решений, должны были практически заново создать современные нации на основе тех объединяющих элементов культуры, которые достались им из прошлого. В Польше исторически сложилась «шляхетская нация», национальное самосознание имело полиэтническое по своему составу дворянское сословие. Национальная идея, сформулированная шляхетской интеллигенцией, медленно проникала в иные сословия. Реализация проекта польского нациестроительства на этих основаниях требовала сделать сословную шляхетскую память основой национальной иден-

тичности. С этим «ягеллоновским» проектом полиэтничной политической польской нации конкурировал «пястовский» проект этнической нации, опирающийся на этно-конфессиональные и языковые признаки. Само определение новых государственных границ пробуждало работу памяти, вызывало дискуссию о том, насколько реалистично в новой ситуации исходить из исторических реалий, предшествовавших разделам.

Вся предшествующая история польской культуры на протяжении «долгого польского XIX века» была наполнена разнообразными акциями по формированию и поддержанию национальной памяти поляков вопреки разделившим их границам государств-участников разделов и в противоборстве с культурной политикой этих государств, имевших противоположные планы относительно «своего» польского населения, простиравшиеся временами вплоть до попыток его ассимиляции.

Таким образом, ситуация, в которой находилось польское общество чрезвычайно «благоприятствовала» развитию рефлексии на тему коллективной памяти. «Долгий XIX век» прошел для Польши под знаком травмы разделов и проработки травматического опыта. Польское национальное сознание в разных формах занималось в это время выстраиванием мемориальных нарративов, призванных «вписать» разрыв, созданный национальной катастрофой, в ткань национальной истории и восстановить разрушенные механизмы смыслообразования: «интеллектуалам и элитам необходимо было рассказать польские воспоминания, символы, мифы в польской поэзии и музыке, тем самым пробудив и усилив народные этнорелигиозные чувства миллионов поляков и таким образом реконструировав и по-новому истолковав польское культурное наследие применительно к современным условиям»¹.

Очевидно, что такой богатый опыт реализации собственной политики памяти и борьбы с контр-стратегиями такого рода не мог не активизировать в среде польских интеллектуалов и теоретическую рефлексию на тему культурных форм присутствия прошлого в настоящем и его социальных функций. Не случайно польские ученые, наравне с французскими и немецкими, находились в конце XIX – первой трети XX в. в авангарде процесса создания первых научных программ в области *memory studies*.

Как любая область исследований, находящаяся в состоянии становления и институционализации, *memory studies* активно выстраивает свою генеалогию. Формирование нарратива своего происхождения и истории – неотъемлемая часть формирования любой идентичности,

¹ Смит 2004. С. 244.

в том числе и идентичности научного сообщества той или иной дисциплины, претендующей на академический статус. Одним из важных направлений деятельности учёных, озабоченных институционализацией и «парадигматизацией» *memory studies*, является оформление «канонического» набора текстов и авторов, в первую очередь – основоположников, вокруг которых как вокруг общепризнанных авторитетов могла бы выстраиваться идентичность исследовательского сообщества. Анализ истории определенной научной области, тем более такой, что изначально формировалась поверх всяких предметных границ и дисциплинарных рамок, сложная задача. Здесь особенно не подходит «формальный» принцип, предпочитающий отсчитывать историю той или иной области знания от момента фиксации соответствующей терминологии и самонаименования. Такой подход грозит «выбросить» из истории *memory studies* массу принципиально важных теорий и концепций, начиная с Платона, Аристотеля и Блаженного Августина и заканчивая Марксом и Фрейдом. Более приемлемым представляется ретроспективный подход, прослеживающий прошлое развитие тех проблем и тем, которые структурируют проблемное поле соответствующей науки сегодня. Список «отцов-основателей» *memory studies* постоянно расширяется, обновляется и модифицируется. Бесспорными классиками остаются, пожалуй, лишь М. Хальбвакс и А. Варбург, создавшие во многом современную терминологию *memory studies*, выработавшие многие их исследовательские принципы и сформулировавшие теоретико-методологические основания.

Мало разработанным в контексте истории *memory studies* остается анализ национальных научных школ. Прослеживание преемственности и развития идей в пределах одного коммуникативного пространства национальной науки может быть не менее плодотворно, чем сопоставление идей ученых, работавших в одной области, но часто не знавших о существовании и трудах друг друга. Специальных работ такого рода практически нет. Хотя довольно отчетливо можно, думается, говорить о специфике французской, польской, немецкой и американской традиций в этой области. Российское направление в области изучения социально-культурных аспектов памяти также специально не рассмотрено.

Нам хотелось бы остановиться на рассмотрении процессов формирования польской школы исследований культурной (социальной) памяти². В данной статье мы рассмотрим теоретические подходы не-

² Из известных нам наиболее близкой по тематике работой, хотя и не посвященной прямо нашей теме, является статья: Filipowicz 2002.

скольких польских исследователей, работавших в период с рубежа XIX–XX в. до 1939 г., а также на конкурсах мемуаристов во Второй Речи Посполитой как коммеморативной практике.

Далеко не все те польские ученые, которые изучали роль прошлого в жизни общества, непосредственно обращались к польской проблематике, но все они занимали, как правило, активную общественно-политическую позицию, которая хорошо описывается предложенной австрийским исследователем И. Фейхтингером категорией «автономно-ангажированной» науки. Он характеризует установки и формы деятельности лучших ученых Центральной Европы около 1900 года как «автономно-ангажированные». На самом деле строго разделяя науку и политику, эти исследователи инвестировали свои ноу-хау в такую научную деятельность, которая была политически релевантна. Это не была «чистая наука», поскольку ее представители не отступали от политической ангажированности в рамках своих специфических компетенций. Набираемый таким образом научный авторитет укреплял автономию наук. Процесс автономизации характерен для научного ландшафта Нового времени, в котором автономно-ангажированная форма деятельности находила проявление в типе интеллектуала-ученого. В качестве ее представителей рассматриваются те исследователи, которые, пользуясь научным авторитетом, под девизом универсальных понятий ценности и «благополучия» инвестируют полученные в науке специфические компетенции в публичную сферу (в политику) без нарушения правил игры, принятых в научной деятельности»³.

Еще в конце XIX в. к проблеме влияния прошлого на настоящее обратились польские марксисты. Так, известный социолог, экономист, антрополог, Людвиг Кшивицкий (1859–1941) разработал теорию «исторического субстрата» (*podłoże historyczne*), изложенную впервые в работе «Идея и жизнь» (1888)⁴. Кшивицкий принадлежал к числу основателей польского марксизма. Он входил в тот круг интеллектуалов, из которого вышло первое польское издание «Капитала» К.Маркса.

«Со всех сторон нас окружает прошлое», – говорит он, предвосхищая слова Гуго фон Гофманшталя о «слоях коллективной памяти», окружающей нас со всех сторон. Все то, что окружает нас, и относится, с точки зрения Кшивицкого, к «историческому субстрату».

³ Feichtinger 2013. S. 20.

⁴ Подробный разбор и развитие идей Кшивицкого уже в послевоенной польской социологии см.: Dobrowolski 1967. S. 6-51.

При этом он опирается на антропологическую теорию пережитков, подчеркивая, что в них продолжают жить в современности даже очень отдаленные эпохи. «Мы живем окруженные прошедшими веками и связанные ими. В нашем собственном существе, в нашем внутреннем “я” сплетаются нити, тянущиеся в души неизвестных предков. Если бы мы захотели глубже проанализировать свои повседневные действия и склонности, если бы мы разобрались в своих предрассудках, мыслях и чувствах, или огляделись бы вокруг и задались бы вопросом об истоках обычаев и норм поведения, то мы поняли бы, насколько нас направляет не свой собственный ум, а ум наших предков. Что бы там не говорили о нашей независимости, мы – рабы наших дедов и прадедов. Они давно лежат в гробах, время прошло и развеяло их прах, но дело их еще живет: как в младенчестве они пеленают наши руки и ноги, лишают наш ум силы, отягощая его бременем ненужных знаний...»⁵. В этих рассуждениях, конечно, слышны отголоски известных высказываний О. Конта и К. Маркса о власти прошлого над настоящим, о «мертвых, управляющих живыми», о власти обстоятельств, созданных прошлыми поколениями, над ныне живущими.

Исторический субстрат, слагающийся из политических и правовых систем, моральных и эстетических представлений, верований, предрассудков, взглядов и пр., напоминает, по Кшвицкому, одежду, сшитую некогда на маленького ребенка и становящуюся все более тесной и неудобной по мере его взросления. Однако и расстаться с ней не так просто, поскольку общество к ней слишком привыкло и срослось с ней.

Таким образом, исторический субстрат – тормоз общественного развития, пассивный элемент, который не создает ничего нового, а только препятствует развитию. Поэтому «всякая реформа и всякий прогресс вообще должен начинаться с борьбы против этого прошлого»⁶. Всякая общественная борьба начинается с борьбы с традицией и с освобождения себя от ее авторитета.

Степень влияния прошлого на настоящее меняется от эпохи к эпохе: «Исторический субстрат в своем влиянии на историческое развитие обладает... не одинаковой физиономией. В одни эпохи элементы, содержащиеся в обычаях, сооружениях, верованиях, оказывают мощное воздействие. Иногда доходит до того, что живой мир попадает как бы в крепостную зависимость от прошлого...»⁷.

⁵ Krzywicki 1951. S. 84.

⁶ Krzywicki 1951. S. 90.

⁷ Krzywicki 1951. S. 88.

Говоря языком марксистской социальной теории, «исторический субстрат» Кшивицкого – совокупность надстроечных явлений, включающая в себя верования, политические и правовые теории, эстетические и этические концепции, стереотипы, обычаи и даже «расовую душу», духовную физиономию той или иной социальной общности и т.д. Они возникают как отражение определенных материальных условий, но обладают способностью существовать много дольше, чем те реальные условия и потребности, которые их в свое время породили.

«Каждая фаза социального развития оставляет после себя наследие, которое сплетается и сливается с наследием более ранних периодов. Из соединения этих элементов, одни из которых происходят из отдаленного, а другие из ближайшего прошлого и вообще из исторических пережитков, которые уже совершенно не отвечают потребностям рассматриваемого исторического периода, продолжая, однако, существовать в разнообразных институтах, создается важная категория факторов исторического развития, категория, которую мы окрестили именем *исторического субстрата*»⁸. Различия в историческом субстрате каждого общества приводит к тому, что решение одних и тех же исторических задач в ходе однотипных исторических процессов дает разные результаты и придает неповторимое своеобразие истории разных стран, народов и регионов...». В результате это приводит Кшивицкого к несколько необычному для марксиста пониманию: реальное развитие обществ настолько разнообразно, что едва ли может быть представлено в общей схеме. Ведь универсальные тенденции каждый раз преломляются через уникальный «исторический субстрат».

Оценивая в связи с этим роль Кшивицкого в развитии марксизма выдающийся польский исследователь истории марксистской мысли, философ Лешек Колаковский отмечал, что, хотя Кшивицкий, несомненно, внес значительный вклад в укоренение марксистского способа мышления в польской культуре, но сделал это весьма своеобразно: он «привил» польской мысли столь открытую и недогматичную версию марксизма, что польский марксизм постепенно «растворился», слившись с общими течениями рационализма и историзма в понимании общества. «В этом смысле Кшивицкий в Польше... был для марксизма скорее троянским конем, чем осадным тараном»⁹.

Другим ярким примером такого политически ангажированного интеллектуала-ученого, поставившего вопрос о роли прошлого в текущей

⁸ Ibid. S. 61.

⁹ Kołakowski 1977. S. 218.

жизни и деятельности был выдающийся польский марксист, активный деятель польского и международного социалистического движения Казимир Келлес-Крауз (1872–1905). Будучи в эмиграции в Париже, он близко познакомился с французским социологом Рене Вормсом, который создавал Международный институт социологии и в 1894 г. был приглашен в члены этого Института. Именно в докладах на съездах этого международного научного учреждения в 1894–1895 гг. польский социолог свою концепцию «закона перевернутой ретроспекции» (*la loi de la rétrospection révolutionnaire, prawo retrospekcji przewrotowej*), которая должна была, по мысли автора, объяснить механизм исторического прогресса. Формулируется этот закон так: «Всякое движение, стремящееся к изменению основ общественного устройства, прежде всего обращается к какой-нибудь более или менее отдаленной эпохе в прошлом». Или в другой, более поздней, формулировке: «Идеалы, которыми всякое реформаторское движение стремится заменить существующие социальные нормы, всегда похожи на нормы более или менее отдаленного прошлого»¹⁰. Интуитивным прозрением этого закона Келлес-Крауз не без оснований считал известные рассуждения Маркса из работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о том, как каждая революция совершается в костюмах и в декорациях прошлого, а «традиции прошлых поколений как ночной кошмар тяготеют над умами живых»¹¹.

Нетрудно заметить, что здесь Келлес-Крауз как будто вступает в спор с Кшивицким, настаивавшим на том, что всякое движение вперед должно начинаться с борьбы с «традицией». Следует признать, что взгляд Келлес-Крауза более соответствует современным представлениям о роли памяти в динамике общественной жизни. Действительно, сегодня мало кто будет спорить с тем, что «борьба с традицией» всегда приводит к актуализации другой, как правило более архаичной, традиции, чем та, с которой борются прогрессисты, и что социальные изменения не могут протекать без обращения к прошлому.

Марксизм конца XIX в. находился под сильным влиянием позитивизма, теории прогресса и теории эволюции Дарвина. Ведущим теоретиком немецкого и мирового марксизма в это время считался Карл Каутский, который склонен был понимать марксизм в духе экономического материализма. Гегелевская составляющая марксизма считалась в этом интеллектуальном контексте исторически случайной и мало существенной. Келлес-Крауз же, напротив, взял за основание своей

¹⁰ Kelles-Krauz. 1967. S. 250.

¹¹ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С. 119.

теории трехчастную диалектическую схему Гегеля (с привлечением схожих идей и более ранних авторов – Дж. Вико и Ж.-Ж. Руссо). «В то время как немецкий марксизм был разновидностью позитивизма, – отмечает американский историк Т. Снайдер, – польский марксизм обыкновенно имел антипозитивистский характер»¹², поэтому польские социологи отвергали эволюционистскую теорию прогресса, предпочитая спиральную трехчастную диалектическую схему. ...без сомнения опыт разделов привел к тому, что прогрессивные поляки охотнее смотрели в прошлое во имя будущего, а также и к тому, что прочтение истории как триады: рай, грехопадение и искупление (или же – жизнь, распятие и воскресение) могло инспирировать даже самых больших агностиков из числа польских радикалов еще в эпоху *fin-de-siècle*»¹³.

Реформаторские программы и устремления, рассуждал Келлес-Крауз, всегда оказывались похожими на что-то из того, что уже имело место в прошлом, и это сходство часто используется противниками преобразований как аргумент против всяких социальных изменений. «На самом же деле это есть нормальный, постоянный и необходимый результат развития человечества, которое верно сравнивают со спиралью: эта линия постоянно возвращается в те же самые точки круга, но каждый раз на все более высоком уровне»¹⁴. Никакие проекты социальных преобразований не могут возникнуть из ничего, а это значит, что каждый отказ от настоящего и его критика неизбежно обращают взоры реформаторов к прошлому. Сторонники движения вперед, как и реакционеры отличаются не тем, что одни не смотрят в прошлое, а другие смотрят. В прошлое смотрят и те, и другие, но первые делают это для того, чтобы идти вперед, а вторые – чтобы идти назад.

Идеализированный образ прошлого служил скорее эстетическим основанием для выражения неудовлетворенности настоящим и устремления в будущее¹⁵. Первым примером проявления своего закона Келлес-Крауз считал древние мечты о «золотом веке», а в теории исторического материализма видел ностальгию по первобытной общине; именно поэтому в становлении марксистской теории такую роль сыграли исследования антропологов (Моргана, Тайлора, Бахофена), посвященные устройству первобытного общества.

¹² Snyder 2010. S. 141

¹³ Ibid. S. 142-143.

¹⁴ Kelles-Krauze. 1967. S. 250.

¹⁵ «...у Келлес-Крауза прошлое в своей идеализированной форме создавало прежде всего предлог, обосновывающий необходимость изменений, а не возвращения к нему самому». Chmielewska-Szlajfer 2014. S. 18.

Польскому социологу удалось разработать заложенную у Маркса, но неразвитую им самим идею о важной роли, которую образы прошлого играют в актуальной социально-политической жизни. Причем, если Кшивицкий подчеркивал консервативную роль прошлого, то взгляды Келлес-Крауза на роль наследия в исторической динамике отличаются большей диалектичностью, учетом творческой активной роли истории в современности. В области современной теории культурной памяти им в наибольшей степени соответствовали бы идеи Ю.М. Лотмана и А. Ассман о памяти как источнике творчества и резервуаре смыслов и значений для генерирования новых культурных смыслов и текстов.

Говоря о взглядах Келлес-Крауза, Лешек Колаковский отказывает его «закону» в оригинальности и в статусе научного закона вообще. Однако он замечает, что представленное у Келлес-Крауза понимание исторической традиции как самостоятельной творческой силы истории и признание большой роли консерватизма в становлении марксизма внесло вклад в формирование несколько иного «консервативного» облика марксизма, отличного от «ортодоксии Каутского». «Это был такой марксизм, который хочет принимать во внимание не только историю как реализацию «законов», но также и историю как случайность...»¹⁶.

Важную роль в изучении коллективной памяти сыграла польская «гуманистическая социология», традиции которой были заложены выдающимся польско-американским социологом Флорианом Знанецким (1882–1958) в 1920-30-х гг. Он выступил против чистого объективизма в социологии и выдвинул в качестве обязательного принципа при изучении любого социального явления учет «человеческого коэффициента»¹⁷ (*zasada współczynnika humanistycznego*), что означало: социолог должен стараться увидеть ситуацию глазами действующего субъекта, чтобы понять, как именно он воспринимает ситуацию и почему действует именно так¹⁸. Исходя из этих представлений, Знанецкий выдвинул идею использования в социологии «личных документов» (писем, мемуаров и т.п.), став одним из пионеров разработки этого метода в мировой науке.

Поэтому при изучении социального присвоения и использования прошлого, в соответствии с этим принципом, важно понять, почему именно этот исторический материал, именно в данное время и в дан-

¹⁶ Kołakowski 1977. S. 225.

¹⁷ Znaniecki 2008. S. 67-70.

¹⁸ Впоследствии схожая идея его коллеги и соавтора американского социолога У. Томаса получит название «теоремы Томаса» и станет основополагающим постулатом «культурализма» в социологии: «если ситуация определяется как реальная, то она становится реальной по своим последствиям».

ном сообществе был воспринят как значимый и наделен статусом традиции. Традиция, по мнению Знанецкого, не может рассматриваться как механическая и лишенная осмысленности связь между прошлым и настоящим. Традиция должна рассматриваться с учетом ее «человеческого коэффициента», существование традиции требует наличия определенных человеческих чувств, притяжения и неприятия, выбора.

Таким образом, он приходит к важнейшему для *memory studies* постулату: прошлое существует не само по себе, оно всегда существует в настоящем и для настоящего, всегда есть социальные группы и силы, заинтересованные в том, чтобы именно это прошлое и именно в такой форме было представлено в современности.

«Гуманистический подход» Знанецкий применяет не только ко времени (прошлому), но и для изучения социального (городского) пространства. Он формулирует это так: «...мы приняли за исходный пункт понятие города как непространственной гуманистической целостности, реализующейся в опыте и деятельности людей. Конечно, люди живут на территории города и поэтому считаются “жителями” города. Пространственные условия их жизни оказывают влияние на эту их жизнь. Это не означает, однако, что их можно полностью поместить в эту территорию, как дома или трамвай. Они ведь не только тела, но и имеющие определенный опыт и действующие субъекты, и в этом своем качестве не они находятся в городе, а, если так можно выразиться, город находится в сфере их совместного опыта и деятельности. Они его создают как весьма сложную социальную структуру»¹⁹. Отсюда пролегал прямой путь к постановке вопроса о «местах памяти», формирующих идентичность данного сообщества, но реализована эта теоретическая возможность была уже в работах ученика Знанецкого, одного из ведущих польских социологов XX века, Юзефа Халасиньского (1904–1979).

Взгляды Ю. Халасиньского²⁰ заслуживают отдельного внимания в интересующем нас аспекте. Речь о его роли в движении по собиранию и изучению мемуаров пойдет ниже. Здесь мы отметим только теоретические элементы, относящиеся к проблематике памяти. Целостной теории коллективной (социальной) памяти он не создал. Однако в его исследованиях по социологии воспитания, социологии культуры, социологии пространства и социологии нации содержатся важные идеи на этот счет. На социологию Халасиньского большое влияние оказали Дюркгейм и

¹⁹ Znaniecki 1931. S. IX-X.

²⁰ См. наиболее полную обобщающую работы о Ю. Халасиньском в современной польской литературе: Gryko 2007.

его школа. Особенно это влияние проявилось в социологии воспитания. Общество Халасиньский понимал как реальность, состоящую из социальных групп, а процесс воспитания – как процесс усвоения индивидом набора «коллективных представлений», делающих его членом этих групп. Здесь его мысль очевидно шла в направлении развития и коррекции взглядов Дюркгейма, происходивших в 1920-30-х гг. в среде его учеников и особенно у Мориса Хальбвакса, который также отказался от дюркгеймовского понимания общества как реальности и пришел к его трактовке как совокупности групп, каждая из которых социализирует своих членов в собственных рамках, в том числе социализирует и мемориально, наделяя их необходимым для членства в данной группе и определяемым ее «социальными рамками» набором воспоминаний.

Одной из таких социальных общностей, которой польская социология традиционно уделала больше внимания, чем какая-либо иная социологическая традиция в мире, была нация. Нация понималась Халасиньским как совокупность культурных ценностей, как политическая общность, объединенная общностью культуры. Для понимания нации он впервые в польской социологии применил понятие *стереотип*, введенное в 1930 г. американским социологом Уолтером Липпманом. Стереотипы интегрируют нацию, превращаясь в национальные мифы. Сами же эти стереотипы являются продуктом исторического конфликта народов и борьбы их культур. Эти выводы социолог сделал в первую очередь на основе изучения польско-немецких отношений²¹.

Особое значение для понимания национальной связи имеет социологическая концепция пространства Халасиньского, которую он разрабатывал вслед за своим учителем Флорианом Знанецким («Город в сознании своих жителей», 1931 и др.). Пространство, согласно этой концепции существует как социальное явление только в человеческом опыте. Есть социальное пространство семьи, соседской группы и, наконец, национальное пространство нации, ее родина. Пространство в гуманистической социологии, является качественным пространством общезначимых для социальной общности ценностей, оно ни в коем случае не может быть описано чисто статистически и географически. Пространство – культурная ценность, которая непосредственно влияет на людей, считающих его своим. «...Чертами родового владения, соседства или страны является то, что их нельзя разделить, измерить или поменять. Они представляют для группы ценность как качественная целостность, которую нельзя измерить и поменять. Оно строго связано

²¹ Chałasiński 1935. S. 146-278.

с целостностью группы и с социальной спецификой ее членов. «Наше» социальное пространство – часть специфики членов группы, и наоборот, их специфичность – часть этого пространства»²².

Социальная интеграция нации основывается в значительной степени на наделении ценностью пространства, ею занимаемого. Символическая ценность пространства способствует объединению народа. Неповторимая специфика каждой нации связана с ее «святыми местами», которые придают точке географического пространства характер социальной ценности. «Такую специфику придают земле не только места со святынями, окруженные религиозным культом, как Ченстохова, но и исторические места, с которыми связаны важные события в истории всего народа, такие, как Краков, древняя столица страны, или Варшава, места, в которых сосредоточены организационно-политические усилия и в которых сосредоточено политическое руководство нации, такие как столица страны, места, свидетельствующие о предпринятых всем народом усилиях, такие, как Гдыня. К их числу принадлежат и целые регионы, представляющие разные направления национальной активности и устремления народа, такие как море и Поморье, промышленные районы, горы и т.п. Из всего этого складывается пейзаж страны...»²³. Этот пейзаж возникает и меняется исторически. В его возникновении и изменениях, по Халасиньскому, решающую роль играют книги и пресса.

Через три года после этой публикации Париже выйдет книга Хальбвакса «Евангельская топография Святой земли» (Париж, 1941), в которой будет разработан вопрос о сущностной связи между идентичностью сообщества (в данном случае религиозного сообщества христиан) и его памятью, которая, чтобы стать социальным фактом, должна быть воплощена в определенных «местах», а вокруг этих «мест» должны быть созданы практики коммеморации. Таким образом, Халасиньский предвосхитил разработку столь популярной сегодня (особенно после реализации в 1980-е гг. одноименного проекта П. Нора) темы «мест памяти».

Известно, что именно французская социологическая школа (школа Дюркгейма) была той интеллектуальной средой, в которой сформировалась в 1920-е гг. первая научная программа изучения коллективной памяти: именно с публикации в 1925 г. книги М. Хальбвакса «Социальные рамки памяти» ведется формальный отчет истории этого научного направления. Между тем, польская социология межвоенного периода была связана со школой Дюркгейма. Один из создателей

²² Chałasiński 1938. T. 1. S. 122.

²³ Ibid. S. 126-127.

и классиков польской социологии Стефан Чарновский (1879–1937) был не только выдающимся польским ученым межвоенного периода, но и единственным нефранцузом среди членов школы Дюркгейма²⁴.

В основе исследований Чарновского лежат основные положения Дюркгейма о том, что общество представляет собой надындивидуальное моральное единство, а скрепляют это единство коллективные представления; эти представления локализируются в конкретных образах (персонажах), которые должны стать воплощением общества и как таковые подлежат сакрализации, вокруг них складываются регулярно повторяющиеся коммеморативные ритуалы, одновременно и поддерживающие коллективную солидарность, и черпающие свою священную мощь из морального единства общества. Подход Чарновского к анализу культа христианского святого и подход Дюркгейма к анализу тотемического культа принципиально не отличаются. Отличия заключаются в том, что Чарновский выбирает для исследования не племенные общности, а нации, а точнее – их историко-культурные истоки. Его интересует роль национальных героев как образов коллективной памяти в формировании национальной идентичности. Чарновский исследует сущность этих образов, социальный механизм их формирования и распространения, причины, по которым герои архаического прошлого играют важную роль в жизни современных наций. Наиболее известная работа Чарновского называется «Культ героев и его социальные основания»²⁵ и посвящена исследованию культа святого Патрика в Ирландии.

Следует иметь в виду конкретные исторические обстоятельства создания этой работы. Политически активного автора «Культа героев» не могли не занимать типологические параллели между историей Ирландии и Польши: в обоих случаях речь шла о национальных общностях, лишенных собственной государственности внешними силами и поддерживающих свое национальное единство вопреки внешнему давлению с опорой на память о прошлом, главным носителем которой являлась католическая религия и связанный с ней культ. Трудно не заметить в следующих словах автора отражения польской ситуации «народа без государства» и связанных с ней дискуссий о сохранении польской идентичности в период разделов: «...Святой Патрик является воплощением национального единства ирландцев вне зависимости от превратностей истории и рассеяния его последователей. Ирландия пользуется его покровительством не как территория или политическое образование, но

²⁴ См. о нем: Васильев 2014.

²⁵ Czarnowski. Kult bohaterów... 1956.

прежде всего как народ. Святой Патрик является гарантом его вечности и символом всех его устремлений»²⁶. Он обращает внимание и на актуальную для Польши проблему соединения национальной идентичности с конфессиональной. Связка «ирландец-католик» была столь же мощной, как и «поляк-католик», а церковь и для ирландцев, и для поляков выполняла роль символа национального единства. Вот как описывает автор (не без доли модернизации и анахронизма) период раннесредневековых скандинавских набегов на Ирландию: «Из институтов политической власти остался тогда один Костел. Он был убежищем национальных надежд во время борьбы с варварами-язычниками. Ирландский патриотизм соединился с верой и таким образом культ Святого Патрика усилился для поддержания духа побежденных»²⁷.

Святой Патрик рассматривается Чарновским именно как национальный герой, а его культ выглядит как система коммеморативных практик, формирующих не просто религиозную идентичность ирландских католиков, а национальную идентичность ирландцев. Исследование, таким образом, выходит за рамки историко-религиоведческого и становится историко-социологическим исследованием роли культурной памяти в формировании и поддержании национальной идентичности. Герой для Чарновского – явление социальное. В первую очередь потому, что он воплощает в себе ценности, идеалы и надежды определенной социальной общности (является «воплощением морального идеала»²⁸). Далее, его признание в качестве героя носит социальный характер, он является покровителем и защитником той группы, которую он представляет, и, наконец, его культ также является публичным. Его образ удостоивается вечной памяти в данной группе: «и, хотя поколения одно за другим падают во мрак забвения, культ героя продолжается дальше в неизменной форме»²⁹.

Наиболее интересен, с точки зрения *memory studies*, анализ автором социальных механизмов формирования общеирландского культа Святого Патрика и превращения его в национального святого. В этой связи его внимание привлекают социальные общности (братства) общеирландского характера, действовавшие на территории всего острова поверх границ родов, кланов и королевств, – друиды и филиды. Друиды выполняли религиозные функции, были жрецами языческого культа,

²⁶ Czarnowski. Kult bohaterów... S. 223.

²⁷ Ibid. S. 219.

²⁸ Ibid. S. 161.

²⁹ Ibid. S. 27.

оказывали большое влияние на социально-политическую жизнь и имели высокий общественный статус. Филадельфийцы занимались магией, предсказаниями, изучением природы, выполняли юридические функции, но главное – они были хранителями памяти, эпоса, легенд и преданий, историками. Именно они стали опорой распространения христианства в Ирландии, их методам сбора вокруг себя учеников и работы с ними подражал Святой Патрик, и именно они, став христианскими священнослужителями, выступили основными творцами его культа.

Чарновский характеризует день Святого Патрика как национальный праздник, «который раз в году объединяет всех ирландцев мира в одно единое сообщество мысли»³⁰. В отличие от коммеморативных ритуалов Дюркгейма, предполагающих взаимодействие «лицом к лицу», здесь речь идет о «воображаемом сообществе» нации, объединяемой общезначимым образом героя и регулярным его воспоминанием. Однако общий тезис Дюркгейма о необходимости регулярного ритуального оживления коллективной памяти для поддержания коллективной идентичности и тут сохраняет свое значение.

Продолжение рефлексии над этой проблемой – статья «Прошлое и настоящее в культуре»³¹, вошедшая в книгу «Культура», своеобразное творческое завещание ученого. Жизнь любого общества, как подчеркивает Чарновский, вся соткана из элементов прошлого (и подчас весьма далекого) и в значительной степени определяется ими. Однако он не рассматривает элементы прошлого в настоящем в духе классической эволюционистской теории пережитков. В рассуждениях Чарновского о присутствии прошлого в настоящем проявляется свойственная школе Дюркгейма функционалистская тенденция: для него дать научное социологическое объяснение социальному явлению означало дать ему именно функциональное объяснение. Он, как в свое время Э. Тайлор, для иллюстрации сохранения архаических элементов культуры в современной жизни приводит в пример игры, однако дает этим явлениям уже иную, не эволюционистскую, а функционалистскую, интерпретацию. То или иное явление культуры не просто сохраняется и переходит из прошлого в настоящее. Оно меняет свое место, функцию и значение в социальной системе, меняется в самой своей сути, качественно. «То, что сохранилось из прошлого, сохранилось определенным образом. Оно не является вполне тем же самым, чем было когда-то; оно оказывается переработанным, изменило свое место, имеет иной вес, чем во время свое-

³⁰ Czarnowski. Kult bohaterów... . S. 222.

³¹ Czarnowski. Dawność a terażniejszość w kulturze. 1956; Чарновский 2013.

го возникновения». Настоящее приспособливает прошлое для себя. Прошлое не является статичным «наследием», транслируемым при помощи традиции в неизменном виде. Прошлое всегда есть функция настоящего. Вот как говорит об этом Чарновский: «...Обремененная прошлым современность переструктурирует прошлое, меняя уклад его элементов, отвергая одни из них и ассимилируя другие применительно к тому, чем является она сама»³². Поколения и социальные классы, группы и институты трансформируют образ одного и того же прошлого, исходя из собственных интересов. Универсальный механизм функционирования культуры Чарновский видел в том, что каждое творение нового является работой с прошлым и его переинтерпретацией в том направлении, которое задано нуждами нынешнего момента. Однако одновременно происходит и своеобразная «отливка» потребностей и задач современной жизни в формы прошлого.

В зависимости от «соотношения сил» между прошлым и настоящим Чарновский строит типологию состояний культуры; ее экстремумами являются, с одной стороны, состояние стабилизации, и, с другой, культурного переворота. В первом случае прошлое доминирует над настоящим, не допуская перемен, во втором – напротив, настоящее подчиняет и активно переформатирует прошлое для себя. Во всех человеческих обществах существуют институты, занимающиеся приобщением молодежи к культурной традиции, иначе говоря, занимающиеся закреплением прошлого в настоящем (говоря языком *memory studies*, здесь речь идет о мемориальной социализации новых поколений, обеспечивающей преемственность в жизни культуры). Таким образом, Чарновский переходит к проблеме политики памяти. Обращение с прошлым, по его мысли, зависит от того, какой социальный класс в своих интересах осуществляет эту политику. Господствующие классы склонны представлять настоящее как вечное повторение прошлого. Чем выше положение класса в социальной системе и чем дольше этот класс занимает доминирующее положение, тем больший акцент он делает на истории, на прошлом, на том, что было, а не на том, что может быть в будущем³³.

От истории как науки, пишет Чарновский, обычно ожидают объяснения настоящего на основе анализа прошлого. Однако все про-

³² Czarnowski. *Dawność a terażniejszość...* S. 102.

³³ Эти наблюдения очень созвучны описанию «холодной» опции культурной памяти современным немецким культурологом Яном Ассманом. Ср.: «Здесь речь идет о том, чтобы заморозить изменения. Смысл, который здесь помнится, лежит в повторяющемся, регулярном, а не в уникальном, необычном. Он лежит в преемственности, а не в разрыве, переломе и изменении» (Ассман. 2004. С. 74).

граммы обучения истории преследуют на практике совсем иную, моральную цель, заключающуюся в воспитании у молодежи почтения и любви к прошлому. История служит тому, чтобы при помощи аргумента давности поддержать легитимность существующего порядка вещей, придать прошлому особую эмоциональную ценность. В этой связи Чарновский различает историю «оправдывающую» и «объясняющую». Первая в современной терминологии – ни что иное, как коллективная память; с точки зрения функции легитимации существующего порядка, это апология определенной версии исторической истины на службе правящих слоев. От нее следует отличать «объясняющую» историю, которая, выполняет уже критическую, а не апологетическую функцию. Эти размышления Чарновского хорошо вписываются в современные дискуссии о социальной роли истории.

Современно звучат его рассуждения об истории как форме культурной памяти в незавершенной работе «Возникновение и социальные функции истории»³⁴, в которой он различает историю «в строгом смысле слова» и то прошлое, которое окружает нас всегда и повсюду, присутствуя во всех формах повседневной культуры. Его, собственно, интересует именно эта «история» (а скорее – культурная память)³⁵. Под «историей» он понимает все формы фиксации представлений о прошлом (устные, письменные, скульптурные и др.), характерные для любой культуры, будь то Западная Европа, Африка или Полинезия. Чарновский пишет: «Тут не идет речь просто об «истории» в современном научном понимании этого термина. Речь идет обо всех видах словесного или пластического, схематичного или символического представления событий и вещей, людей и действий, содержащего в сжатой форме собранный поколениями коллективный опыт человеческой группы и выражающего ее главные ценности»³⁶. В этом широком понимании «исто-

³⁴ Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. 1956.

³⁵ Понятие «коллективная память» (*pamięć zbiorowa*) используется автором в этой работе. Говоря о первобытных обществах, Чарновский замечает, что в них большая часть социально значимой информации, передаваемой новым поколениям, является повествованием о прошлом: «...как же могло не быть повествований исторического типа среди этих проявлений *коллективной памяти* (курсив мой – *А.В.*)?» (Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S.101). Здесь же упоминается и введенное уже к тому времени Хальбваксом понятие «социальных рамок» памяти: «память имеет *cadres sociaux* (выделено автором)». Ibid. S. 101-102.

³⁶ Ср. понимание культурной памяти у Я. Ассмана как специфической для каждой культуры формы передачи и осовременивания культурных смыслов, знания, подлежащего заучиванию и управляющего поступками и переживаниями в рамках взаимодействия внутри определенного общества.

рией” будет как эпическая поэма, так и генеалогия. Будет ею также и повествование о переселениях племени, и тотемный столб с вырезанными на нем изображениями духов, с которыми владелец столба связан как наследник... также «историей» будет тогда и западноевропейский гербовый щит... символизирующий генеалогию того, кто имеет право его использовать. Причем вопрос о соответствии содержания всех этих “историй” так называемой исторической правде не имеет никакого значения». Для общества важна не «истинность» представлений о прошлом, а пригодность этого прошлого для выстраивания мемориального нарратива собственной идентичности. Главное, чтобы этот образ прошлого укладывался «в последовательность событий, доходящую до современности, вероятнее всего до какого-то момента в прошлом, который понимается как конечный пункт в цепи событий»³⁷.

Понятая таким образом «история» является основой самоидентификации и присуща всем социальным общностям, начиная с самой ранней первобытности³⁸. В этом незавершенном фрагменте Чарновский предлагает программу исследований того, что сегодня определяется как «интеллектуальная история истории». Это новая форма историографических исследований, исходящая из того, что для каждого историко-географического типа общества характерен свой тип формирования, репрезентации и использования представлений о прошлом. В этой перспективе современная научная историография (то, что Чарновский называл «историей в строгом смысле слова») есть ни что иное, как один из элементов (хотя и очень важных) исторической культуры общества. Удивительно созвучны мысли Чарновского следующие слова одного из ведущих современных методологов исторического знания: «История во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) и их многообразных актуальных (нередко чрезвычайно причудливых) сочетаний рассматривается как атрибут любой культуры, как важнейший способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность»³⁹.

Итак, история для Чарновского – схематичное, пластичное, символическое представление событий, вещей, людей и действий, которое «в сокращенной форме содержит в себе сложившийся за многие поколения

³⁷ Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S. 99-100.

³⁸ «...каждая человеческая группа, даже самая первобытная, придает своей традиции облик такой широко понимаемой “истории”, стоит ей только обрести самосознание как таковое» (Czarnowski. Powstanie i społeczne funkcje historii. S. 100).

³⁹ Репина 2011. С. 393; см. также: Репина 2013.

опыт группы людей и выражающее их важнейшие ценности»⁴⁰. Фактически перед нами определение не столько истории в ее классическом понимании, сколько мемориального нарратива коллективной идентичности, артикулирующего, если пользоваться вполне уместной здесь терминологией П. Бурдьё, хабитус данной социальной общности.

В определенный резонанс с идеями социолога Чарновского об истории входили размышления выдающегося польского историка межвоенного периода Марцелия Хандельсмана о связи истории с жизнью общества и ее социальных функциях.

Традиционно, на всем протяжении эпохи разделов, историография играла важную роль в польской общественной жизни. К числу особенностей польской историографии этого времени можно отнести то, что она занималась почти исключительно историей Польши, а при рассмотрении последней доминирующей была тема, связанная с причинами разделов, тема, которая накладывала отпечаток на любые исторические исследования практически вне зависимости от изучаемого тем или иным историком сюжета или периода. Историографические школы становились выразителями определенных концепций видения национального прошлого и основой для общественно-политических программ и деятельности групп и партий. Таким образом, можно сказать, что историография играла, помимо своей сугубо научной роли, еще и роль создателя национальной памяти и основ национальной идентичности. Свое влияние историография оказывала не всегда непосредственно. Идеи и концепции ученых отражались в литературе, музыке и живописи, находя для себя все более широкую аудиторию.

Поэтому польская историография, наверное, как немногие историографии в мире, подходит для актуальной сегодня в историографических работах темы соотношения исторической науки и исторической памяти. На одном полюсе этой дискуссии стоят высказывания Хальбвакса о принципиальном отличии объективной и строго научной историографии от пристрастной, субъективной и избирательной памяти. На другом – мнения современных радикальных постмодернистов о том, что историография и есть одна из форм культурной памяти, характерная для определенных обществ в определенное время, и в этом своем качестве ничуть не более «объективна» и «научна», чем всякая иная форма культурной памяти типа первобытного мифа или средневекового эпоса.

Уже в 1920-30-х гг. в трудах выдающегося польского историка и методолога Марцелия Хандельсмана (1882–1945) мы находим рефлекс

⁴⁰ Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii... S. 99.

сию на тему зависимости историографического процесса от внеучебных факторов, а также о связи с национальной жизнью. В докладе на V съезде польских историков в 1930 г. Хандельсман связал изменения в польской историографии XIX в. с событиями политической жизни, в первую очередь с восстаниями 1830 и 1863–64 гг. Говоря о взглядах А. Чарторыйского и его круга, а также об исторической концепции классика польской историографии И. Лелевеля, Хандельсман отмечал: «Ни лагерь Чарторыйского, ни Лелевель веры в будущее не теряли. Однако в своей грусти они опирались, основывались на прошлом, на истории. Для себя и для других прежде всего они создавали систему, выходящую на первый взгляд из прошлого, но построенную на основаниях собственных политических установок»⁴¹. Развитие польской историографии после поражения Январского восстания и формирование «краковской школы», критически настроенной к романтическому видению польского прошлого, Хандельсман также связывал с влиянием общественно-политической ситуации на науку и взаимодействием историографии и национального сознания. Он указал на бурное развитие в польской историографии после 1863 г. медиевистики, исследований XVI в., ягеллоновской темы, объясняя это, с одной стороны, бурным развитием методов исторической науки, специальных исторических дисциплин, поставивших источниковедение Средневековья на новый научный уровень, но, с другой стороны, говорит он и о том, что особой привлекательностью для общества, потерпевшего очередное поражение в борьбе за независимость, имело обращение к «лучшим временам», когда «...это государство еще существовало, когда оно росло, крепло, когда оно жило как все другие государства мира, жило нормально». «Отворачивались от новейших времен, от истории, в которой практически все сводилось к деятельности лиц, замкнутых в тесных рамках одной только национальной истории, и обращались к институциям, к цивилизации, к Средневековью, к «золотому веку» Польши», – пишет Хандельсман, характеризуя причины предпочтений в выборе тем для исследования польских историков второй половины XIX в., и продолжает так: «суровые приговоры прошлому – в науке, современности – в публицистике характеризуют этот период нашей науки, период “краковской школы”, период расцвета метода, великолепных результатов медиевистики, гениальных озарений в истории XVI в., беспощадного суда над XVIII в., гробового молчания о веке XIX»⁴². Хандельсман

⁴¹ Handelsman 1930. S. 18.

⁴² Ibid. S. 19.

пришел к выводу о зависимости взгляда на прошлое от изменения обстоятельств жизни, с которыми сталкивается каждое следующее поколение: «каждое поколение имеет свое собственное отношение к проблемам, свои основные научные интересы, навязанные современной жизненной реальностью, свой собственный способ видения. Каждому поколению современная действительность навязывает иное отношение к прошлому и предлагает основания для иного синтеза»⁴³.

Через три года на VII международном конгрессе исторических наук в Варшаве Марцелий Хальдельсман, Оскар Халецкий и Бронислав Дембинский представили реферат о польской историографии XIX–XX вв., в котором отметили, что польская историография «...на протяжении почти столетия прошла различные этапы и кризисы, которые также затрагивали политическую и интеллектуальную жизнь всей нации. ...Историческая мысль возникла в борьбе с политическими событиями и доминирующими идеями XIX века, иногда омраченная, но вновь сияющая и возрожденная; она возникла на пересечении потоков пессимизма и оптимизма, через последовательные этапы от романтизма к позитивизму и от мессианизма до критицизма»⁴⁴.

До сих пор мы говорили об идеях польских ученых межвоенного периода относительно присутствия и роли прошлого в настоящем, о польском теоретическом вкладе в развитие теории коллективной (социальной) памяти в 1920-30-х гг. Теперь обсудим специфичную для польской научной и общественной жизни XX века культурную практику, которая соединила в себе и изучение коллективной памяти польского общества, и ее формирование. Речь идет об организации конкурсов воспоминаний. Это движение зародилось еще накануне обретения Польшей независимости в 1918 г., активно развивались во II Речи Посполитой и нашло свое продолжение в послевоенной «народной» Польше.

Биографический метод является одной из «фирменных» черт польской социологии и культуры вообще. «Жизнеописание почившего человека» (1558) Николая Рея и «Воспоминания» Яна Хризостома Пасека (вт. пол. XVII в.) входят в польский школьный канон. В 1928 г. Э. Малишевским был издан каталог польских мемуаров от самых ранних источников польской письменности – «Библиография польских мемуаров и мемуаров, относящихся к Польше»⁴⁵. В этом издании приведено пять

⁴³ Ibid. S. 26.

⁴⁴ Dembiński, Halecki, Handelsman 1933. P. 15.

⁴⁵ Maliszewski 1928.

тысяч опубликованных печатных текстов и около тысячи рукописных архивных документов. А ведь книга эта вышла тогда, когда самая активная фаза польского мемуарного движения только набирала силу!

Мемуары в польской социологии делят обычно на две группы: инспирированные, т.е. возникшие в результате объявленных конкурсов, и индивидуальные мемуары, написанные по собственной инициативе авторов. Нас здесь будут интересовать преимущественно первые.

У истоков научного биографического метода стояли два выдающихся социолога – американский ученый Уильям Томас и уже упомянутый польско-американский социолог Ф. Знанецкий. В 1918–1920 гг. они издали в Чикаго классическое исследование «Польский крестьянин в Европе и Америке». Эта книга считается началом истории Чикагской школы в социологии. Как видно, возникновение метода фактически совпало с возникновением Польского государства. Вскоре сбор и анализ воспоминаний приобрел в возрожденной Польше огромные масштабы.

У возникновения биографического метода были как научные, так и вненаучные предпосылки. Среди вненаучных аспектов общемирового характера на первом месте – процессы модернизации общества, индивидуализации жизни, разрушение локальных общин и сословий, формирование массового гражданского общества и развитие движений за равноправие сословий, полов и др. Распространяется всеобщее избирательное право, память жертв только что закончившейся Великой войны впервые становится такой демократичной и индивидуальной. Вместо (а иногда и вместе) с памятниками полководцам и политикам возникают могилы Неизвестного солдата, военные кладбища отмечают одинаковыми для солдат и офицеров табличками захоронения сотен тысяч павших. «Средний», «массовый» человек выходит на авансцену истории. Философы-элитисты типа О. Шпенглера, Н.А. Бердяева и Х. Ортеги-и-Гассета провозглашали «гибель культуры» под натиском «усредненной посредственности», русская литература начала XX века много внимания посвящала теме «пошлости», «мещанства», «обывателя», «обыкновенного человека» и т.п., Р. Музиль пишет роман «Человек без свойств», Хайдеггер вводит понятие «человек-Ман», то есть «человек-никто».

На эту демократизацию жизни наука ответила также вниманием к «среднему» человеку и его роли в жизни общества. Стала развиваться историческая антропология с ее вниманием к «типичному представителю» эпохи и желанием реконструировать его картину мира. Л.П. Карсвин прямо вводит в свою методологию истории понятие «среднего человека» и, как и его современник и коллега П.М. Бицилли, стремится

реконструировать «основную психическую стихию» средневекового общества. Школа «Анналов» вводит понятие «ментальность», тоже отсылающее к «типичному представителю».

Социология также меняет в это время свой облик. Ранняя классическая социология, возникшая и развивавшаяся в Европе, носила преимущественно «реалистический» характер и занималась анализом масштабных процессов всемирно-исторической динамики человеческого общества, понимаемого как «реальность» вне зависимости от людей его составляющих. Наивысшего выражения этот подход достиг у Конта и Дюркгейма, которые категорически исключали индивидуальную психологию из числа наук имеющих какое-нибудь отношение к социологии и абсолютно отрицавшие для социологии научное значение обращения к отдельной личности: социология должна была наблюдать общество как объективную реальность и устанавливать закономерности его функционирования и развития.

Ситуация в науках об обществе начинает меняться на рубеже XIX–XX вв. Изменения были инспирированы в первую очередь методологическими дискуссиями неокантIANцев и представителей «философии жизни». Они настаивали на том, что науки, изучающие человека, принципиально отличаются (для неокантIANцев – по методу, для представителей «философии» жизни – по объекту изучения) от наук о природе и поэтому нельзя изучать общество как «вещь», без учета представлений и ценностей людей, из которых оно состоит. Господство «реализма» в социологии стало встречаться с «номиналистической» критикой. Для «номиналистов» общество не является объективной реальностью, а социология – наука о формах коллективного и организованного поведения людей, наука о межчеловеческих взаимодействиях. Понять характер этих взаимодействий только на основе внешнего объективного наблюдения нельзя, так как с точки зрения внешнего наблюдателя совершенно разные по внутренней мотивации действия могут выглядеть одинаково. В социологию начинает проникать «понимающий» метод, ученые ищут новые источники и техники с тем, чтобы проникнуть во внутренний мир человека. Макс Вебер разрабатывает концепцию «понимающей социологии», которая предполагала анализ поведения субъекта не только извне, но и изнутри. В польской социологии Ф. Знанецкий разрабатывает в 1920-х гг. упомянутую уже нами концепцию «гуманистического коэффициента», которая требовала изучения того, как с точки зрения самого субъекта выглядит та социальная реальность, в которой он живет и действует.

Эти подходы вошли в резонанс с установками Чикагской школы в социологии, которую отличала яркая прикладная направленность. Построению стройных и непротиворечивых теорий школа предпочитала поиск решения конкретных проблем городской жизни с использованием любого сочетания любых подходов – при условии, что это давало практический результат. Основной проблемой, стоявшей перед чикагскими социологами, была проблема социального порядка в обществе, в большинстве своем состоявшем из эмигрантов в первом поколении (значительная часть из них – бывшие польские крестьяне).

В этой связи Томасом и Знанецким и была разработана концепция, ключевыми элементами которой стали понятия «ценности», «установки» и «определения ситуации». Если результат физического явления зависит исключительно от его объективной природы и его можно сразу установить в результате наблюдения над его физическим содержанием, то результат социального явления зависит еще и от субъективного видения этого явления индивидом или группой. Поэтому социальное явление можно истолковать на основе одновременно и знания его объективного содержания, и того значения, которое это явление имеет для людей. Основным объектом анализа были эмигранты, а главным вопросом – что мешает их интеграции в американское общество. Для этого следовало выяснить, с какими «установками», т.е. склонностями определять ситуацию тем или иным образом и действовать в соответствии с этим «определением», эмигранты прибывали в принимающее общество, и с какими существующими там системами ценностей эти установки сталкивались. Соответственно это требовало новых источников и техник исследования. Так возник метод анализа личных документов, лежащий на стыке социологии и социальной психологии.

В истории социологии существуют различные «апокрифические сказания» о том, как метод анализа личных документов вошел в науку. Одна из историй говорит о том, что однажды Томас прогуливался по польскому кварталу Чикаго и на его глазах кто-то выбросил мусор. Ученый случайно заметил, что это – не что иное, как написанные польски письма, тогда он забрал их и, просмотрев, был поражен тем, сколько социологически значимой информации можно из них извлечь.

В работе Томаса и Знанецкого о польском крестьянине преобладали еще не воспоминания, а частные письма и документы из личных архивов. В работе, состоящей из 2000 страниц были использованы только одни (правда, очень обширные) воспоминания эмигранта Владислава Вишневого. Затем сбор и анализ личных документов, и прежде всего

мемуаров, был институционально организован и поставлен на широкую ногу уже в межвоенной и послевоенной Польше.

Развитие в межвоенной Польше движения мемуаристов также имело свои внеаучные и внутринаучные причины. Среди последних – продолжение традиции польской гуманистической социологии учениками Ф. Знанецкого, который остался в США после начала Второй мировой войны и оккупации Польши. Что касается внеаучных причин, то следует иметь в виду сложность протекания процессов нацистроительства в Польше. В 1918 г. Польское государство фактически возникло заново, в новых географических границах и с новым составом населения. Фактически перед Польшей стояла задача создания современной польской нации, в состав которой входили бы и ощущали себя поляками представители непривилегированных слоев населения и в первую очередь – крестьяне. Им предстояло сформировать в своем сознании польскую национальную идентичность и «присвоить» польскую историю, которую делали «паны», «вписать» себя в нее. В этом смысле хорошо организованные, регулярные и освещаемые в СМИ конкурсы мемуаров крестьян, рабочих, безработных, эмигрантов, горожан были своеобразной технологией нацистроительства. Авторы мемуаров в буквальном смысле «вписывали» себя в историю страны. Первые акции начались еще накануне Первой мировой войны: сбор воспоминаний работников-эмигрантов из Вестфалии и Силезии организовал краковский студенческий кружок, но все материалы погибли во время войны.

Национальная идентичность, как любая форма культурной идентичности, формируется в столкновении с «другим», иным, чужим, часто враждебным. Для большинства авторов воспоминаний таким «другим», заставлявшим почувствовать свою польскость, были государства-участники разделов. Опыт общения с их обществами, властями составлял тот критический опыт, который формировал польское национальное самосознание. Поэтому память об империях играет в этих мемуарах особую, очень важную роль. Как правило, мемуаристы видят свой «имперский опыт» в перспективе гражданина нового независимого Польского государства и в тех категориях, которые до них доносила национальная интеллигенция и пресса (часто нелегальная).

Непосредственным продолжателем дела Знанецкого в межвоенной Польше стал Юзеф Халасиньский. В 1921 г. Знанецкий через Польский социологический институт инициировал в Познани конкурс воспоминаний трудящихся. Было собрано 149 текстов. Это было на тот момент самое большое собрание документов такого рода. Победи-

телем конкурса, итоги которого были подведены в 1922 г., стал Якуб Войцеховский. Его мемуар «Собственное жизнеописание работника» в 1930 г. был издан отдельной книгой⁴⁶ и встретил горячий прием польских литераторов и критиков. На основе этих текстов Халасиньский написал свою докторскую диссертацию «Пути социальной мобильности работника»⁴⁷. В 1928 г. Польский социологический институт организовал конкурс мемуаров на тему «Чем был и есть для тебя город Познань?». Было собрано 27 текстов. В 1931 г. вышла упомянутая уже работа Знанецкого «Город в сознании его жителей», написанная на познаньском материале. Аналогичные конкурсы мемуаров о родном городе, инициированные местными университетами, проходили в межвоенный период в Варшаве и в Лодзе. В 1938 г. вышел 4-томный труд Халасиньского «Молодое поколение крестьян. Процессы и проблемы формирования крестьянского слоя в Польше»⁴⁸, написанный на основе анализа 1544-х текстов, присланных на конкурс, объявленный Государственным институтом культуры деревни (Państwowy Instytut Kultury Wsi) в 1936–37 гг. Работа посвящена преимущественно молодежным организациям и роли школы в жизни деревенской молодежи. В целом, исследования Халасиньского носили в большей степени эмпирический и менее теоретический характер, чем работы Знанецкого.

В 1930-х гг. сбором и публикацией автобиографий и воспоминаний занимался и руководимый Кшивицким Институт общественного хозяйства (Instytut Gospodarstwa Społecznego). В 1931 г. им был объявлен конкурс мемуаров безработных, собрано и опубликовано 774 текста (в т.ч. 53 текста безземельных крестьян)⁴⁹. В 1936 г. Институт опубликовал 498 мемуаров крестьян⁵⁰. Также Институт провел конкурс воспоминаний эмигрантов. До начала войны вышли материалы из Франции и Южной Америки⁵¹. Материалы из Канады сгорели в типографии в 1939 г. Материалы из США были опубликованы уже после войны.

Кшивицкий был более склонен к точным методам, проводил обсчеты упоминаний одних и тех же моментов в разных памятниках, применял наряду с ними анкетирование, полевые исследования и пр. Таким образом, сложилось три направления работы с мемуарами в

⁴⁶ Jakub Wojciechowski. 1930.

⁴⁷ Drogi awansu społecznego robotnika. 1931.

⁴⁸ Chałasiński 1938.

⁴⁹ Pamiętniki bezrobotnych. Т. 1-2. 1933.

⁵⁰ Pamiętniki chłopów. Т. 1-2. 1936.

⁵¹ Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. 1939; Pamiętniki emigrantów. Francja. 1939.

польской социологии межвоенного периода, связанные с именами Знанецкого, Халасиньского и Кшивицкого.

С точки зрения теории культурной памяти мемуары, подготовленные в рамках таких конкурсов, имеют свою специфику. Сами мемуаристы, люди, пережившие определенный жизненный опыт, являются носителями «живой» коммуникативной памяти. Однако эта «живая» память для того, чтобы стать социальным фактом и войти в систему коммуникации данного общества, должна быть оформлена средствами культуры, первым из которых является язык и все лексические, стилистические и жанровые конвенции, которые с ним связаны. Мемуарист так или иначе ориентировался в меру своих знаний и представлений на существующие каноны того, как «нужно» рассказывать о том или ином событии в соответствии с конвенциями культуры.

Структуру мемуара и основные темы задавали заранее организаторы. В связи с этим Халасиньский высказывал еще в начале 1930-х гг. свои представления относительно ценности мемуаров и связанные с этим опасения. Он говорил, что авторы должны описывать именно свой личный опыт и свою среду, а не заимствовать клише и образы из прессы, литературы и т.д. Однако исключить это практически нереально, авторы жили в определенной культуре, у них был свой круг чтения и общения, определенный уровень образования, все это неизбежно накладывало отпечаток на то, как они представляли события.

Кроме того, «рамки» восприятия и невосприятия тех или иных событий им задавали принадлежность к сословию, профессия, региональная идентичность и национальная принадлежность. Сегодня мы ясно понимаем, что невозможно получить некую «стерильную» индивидуальную память, очищенную от социальных рамок и культурных механизмов ее фиксации и трансляции. Однако можно проанализировать влияние всех условий на мемуариста и увидеть эффекты, порождаемые встречами экзистенциального опыта с социокультурным контекстом.

Далее, эти мемуары оказываются зафиксированы, изданы, начинают циркулировать в общественном, политическом и научном контекстах. Они приобретают, таким образом, самостоятельную жизнь в культуре, уже независимую от своих носителей. Сами же носители «живой» коммуникативной памяти постепенно уходят – сначала из активной общественной жизни, а потом и из жизни вообще. Таким образом, эти комплексы мемуарных источников становятся частью культурной памяти общества, такой информацией о прошлом, которая им специально создается, поддерживается, хранится, транслируется и актуализируется в специально для этого созданных формах.

Вообще, движение мемуаристов и связанные с ним конкурсы, научная, издательская и пр. инфраструктура могут рассматриваться как интересный пример «мемориального института» польского общества, который на протяжении многих десятилетий занимался трансформацией индивидуальной коммуникативной памяти в культурную память польской нации.

Подводя итоги, можно констатировать, что межвоенная Польша была активно включена в общемировой процесс формирования первых научных программ и теоретических подходов к изучению коллективной (социальной) памяти. Теснее всего польская мысль в этом отношении была связана с международным марксистским (хотя и в специфической, противостоящей господствовавшему в этой среде в конце XIX в. экономизму и позитивистской ортодоксии, версии), французским (школа Дюркгейма) и американским (Чикагская социологическая школа) научными контекстами. Специфическое положение польского общества, обретавшего в это время свою государственность после более чем столетия разделов, оказывало на идеи польских ученых в этой области особое влияние, сближая теоретические размышления с практикой нацистроительства и порождая феномен «автономно-ангажированных» *memory studies*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянских культур, 2004.
- Васильев А.Г. Культ героя и национальная идентичность: изучение коллективной памяти в социологии культуры С. Чарновского // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 44-65.
- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011.
- Репина Л.П. Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 44. С. 190-198.
- Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М. Праксис, 2004.
- Чарновский, Стефан. Прошлое и настоящее в культуре / Пер. с польск. А.Г. Васильева // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 323-341.
- Chałasiński J. Antagonizm polsko-niemiecki w osadzie fabrycznej «Kopalnia» na Górnym Śląsku. Studium Socjologiczne // Przegląd Socjologiczny. Т. III, nr. 1-2, 1935. S. 146-278.
- Chałasiński J. Młode pokolenie chłopów. Procesy i zagadnienia kształtowania się warstwy chłopskiej w Polsce. Warszawa. Państwowy Instytut Kultury Wsi. 1938. Т. 1.
- Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // Czarnowski S. Dzieła. Tom I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.

- Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom. V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Chmielewska-Szljajfer. Kazimierz Kelles-Krauz o relacji między praktyką a idea I zmianie dziejowej bez celu // Kazimierz Kelles-Krauz. Marksizm a socjologia. Wybór pism. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014.
- Demiński B., Halecki O., Handelsman M. L' historiographie polonaise du XIX-me et du XX-me siècle. Varsovie, Société polonaise d' histoire. 1933.
- Dobrowolski K. Teoria podłoża historycznego // Dobrowolski K. Studia z pogranicza historii i socjologii. Wrocław, Warszawa, Kraków. Wydawnictwo PAN, 1967. S. 6-51.
- Drogi awansu społecznego robotnika. Poznań, 1931.
- Feichtinger J. Intelektualiści-naukowcy: autonomiczno-zaangażowana nauka w Europie Środkowej pomiędzy «czystą» a «polityczną» nauką 1848-1938//Historyka. Studia metodologiczne. 2013. T. XLIII.
- Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej // Kultura i Historia. Nr. 2, 2002; режим доступа: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/145>
- Gryko Cz. Józef Chałasiński. Człowiek i dzieło. Od teorii wychowania do kulturowej wizji narodu. Lublin. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Administracji. 2007. 349 s.
- Handelsman M. O nasz dzisiejszy stosunek do historii porzobiorowej // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r [T.] 2, Protokoły; Powszechny Zjazd Historyków Polskich, 5.
- Jakub Wojciechowski: Życiorys własny robotnika. Poznań 1930.
- Kelles-Krauz K. Pisma wybrane. Tom pierwszy. Warszawa. Książka i wiedza. 1967.
- Kołąkowski L. Główny nurt marksizmu. Powstanie – rozwój – rozkład. T. II. Paryż. Instytut Literacki, 1977.
- Krzywicki L. Idea a życie // Krzywicki L. Studia socjologiczne. Warszawa et al. Nakład Gebethnera i Wolffa, 1951.
- Maliszewski E Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa. Tow. Miłośników Historii, 1928.
- Pamiętniki bezrobotnych. T. 1-2. Warszawa, 1933.
- Pamiętniki chłopów. T. 1-2. Warszawa, 1936.
- Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. Warszawa, 1939.
- Pamiętniki emigrantów. Francja. Warszawa, 1939.
- Snyder T. Nacjonalizm, marksizm i nowoczesna Europa Środkowa. Biografia Kazimierza Kelles-Krauz (1872–1905). Warszawa. Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010.
- Znanięcki F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań. Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego. 1931.
- Znanięcki F. Metoda socjologii. Warszawa. PWN, 2008.

REFERENCES

- Assman Ja. Kul'turnaja pamjat'. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur. 2004.
- Vasil'ev A.G. Kul't geroja i nacional'naja identichnost': izuchenie kollektivnoj pa-mjati v sociologii kul'tury S. Charnovskogo // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49. S. 44-65.
- Marks K. Vosemnadcatoe brjumeru Lui Bonaparta // Marks K., Jengel's F. Soch. 2 izd.

- Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. M.: Krug#, 2011.
- Repina L.P. Pamjat' o proshlom v prostranstve kul'tury // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 44. S. 190-198.
- Smit Je. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. M. Praxis, 2004.
- Charnovskij, Stefan. Proshloe i nastojashhee v kul'ture / Per. s pol'sk. A.G. Vasil'eva // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 45. S. 323-341.
- Chałasiński J. Antagonizm polsko-niemiecki w osadzie fabrycznej «Kopalnia» na Górnym Śląsku. Studium Socjologiczne // Przegląd Socjologiczny. T. III, nr. 1-2, 1935. S. 146-278.
- Chałasiński J. Młode pokolenie chłopów. Procesy i zagadnienia kształtowania się warstwy chłopskiej w Polsce. Warszawa. Państwowy Instytut Kultury Wsi. 1938. T. 1.
- Czarnowski S. Dawność a terażniejszość w kulturze // Czarnowski S. Dzieła. Tom I. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Kult bohaterów i jego społeczne podłoże. Święty Patryk bohater narodowy Irlandii // Czarnowski S. Dzieła. Tom IV. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Czarnowski S. Powstanie i społeczne funkcje historii // Czarnowski S. Dzieła. Tom V. Warszawa. Państwowe wydawnictwo naukowe, 1956.
- Chmielewska-Szłajfer. Kazimierz Kelles-Krauz o relacji między praktyką a idea i zmianie dziejowej bez celu // Kazimierz Kelles-Krauz. Marksizm a socjologia. Wybór pism. Warszawa. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2014.
- Demiński B., Halecki O., Handelsman M. L'histoire polonaise du XIX-me et du XX-me siècle. Varsovie, Société polonaise d'histoire. 1933.
- Dobrowolski K. Teoria podłoża historycznego // Dobrowolski K. Studia z pogranicza historii i socjologii. Wrocław, Warszawa, Kraków. Wydawnictwo PAN, 1967. S. 6-51.
- Drogi awansu społecznego robotnika. Poznań, 1931.
- Feichtinger J. Intelktualniści-naukowcy: autonomiczno-zaangażowana nauka w Europie Środkowej pomiędzy «czystą» a «polityczną» nauką 1848-1938//Historyka. Studia metodologiczne. 2013. T. XLIII.
- Filipowicz J. Pojęcie pamięci społecznej w nauce polskiej//Kultura i Historia. Nr. 2, 2002; rezhim dostupa: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/145>
- Gryko Cz. Józef Chałasiński. Człowiek i dzieło. Od teorii wychowania do kulturowej wizji narodu. Lublin. Wydawnictwo Wyższej Szkoły Przedsiębiorczości i Administracji. 2007. 349 s.
- Handelsman M. O nasz dzisiejszy stosunek do historii porozbiorowej // Pamiętnik V Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Warszawie, 28-go listopada do 4-go grudnia 1930 r [T.] 2, Protokoły; Powszechny Zjazd Historyków Polskich, 5.
- Jakub Wojciechowski: Życiorys własny robotnika. Poznań 1930.
- Kelles-Krauz K. Pisma wybrane. Tom pierwszy. Warszawa. Książka i wiedza. 1967.
- Kołąkowski L. Główny nurt marksizmu. Powstanie – rozwój – rozkład. T. II. Paryż. Instytut Literacki, 1977.
- Krzywicki L. Idea a życie // Krzywicki L. Studia socjologiczne. Warszawa et al. Nakład Gebethnera I Wolffa, 1951.
- Maliszewski E Bibliografia pamiętników polskich i Polski dotyczących (druki i rękopisy). Warszawa. Tow. Miłośników Historii, 1928.

- Pamiętniki bezrobotnych. T. 1-2. Warszawa, 1933.
Pamiętniki chłopów. T. 1-2. Warszawa, 1936.
Pamiętniki emigrantów. Ameryka Południowa. Warszawa, 1939.
Pamiętniki emigrantów. Francja. Warszawa, 1939.
Snyder T. Nacjonalizm, marksizm i nowoczesna Europa Środkowa. Biografia Kazimierza Kelles-Krauzy (1872–1905). Warszawa. Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2010.
Znaniński F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań. Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego. 1931.
Znaniński F. Metoda socjologii. Warszawa. PWN, 2008.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Института «Русская антропологическая школа» Российского государственного гуманитарного университета; vasal2006@yandex.ru

Memory studies in Poland during the interwar period

The paper is focused on the emergence and development of Polish memory studies (late 1890s – 1939). National schools of memory studies are mostly underdeveloped except in French, German and American traditions. Polish contribution to the theory of social (cultural) memory is still poorly explored, and the present paper tries to fill this gap in the history of memory studies. The author analyzes the methods and approaches of such Polish scholars as L. Krzywicki, K. Kelles-Krauze, J. Chałasiński, F. Znaniński, and special attention is paid to Stefan Czarnowski, a classic of Polish sociology and an author of important concept of historical sociology of culture. The ideas of Polish scholars made an impact on the practices of nation building influenced by the developments in Poland where the process of the restoration of the state was under way during this period. The memoirs contests organized in the Second Polish Republic are considered to be an “institute of memory” created by the Polish intellectuals, and a vehicle to transform an autobiographical memory into national one. The author concludes that between the wars Poland was actively included in world academic process when the first research programs and theoretical approaches to phenomenon of collective memory had been emerging. In this regard the Polish thought was closely related to the international Marxist (although in a specific version opposed to economism and radical positivism that dominated the field in the late 19th century), French (the school of Durkheim) and American (the Chicago school of sociology) academic contexts.

Keywords: memory studies, Poland, nation building, Polish statehood, collective memory, Polish humanities and social sciences.

Alexey Vasilyev, PhD in history, Associate Professor, Deputy Director of the “Russian School of Anthropology” Institute, the Russian State University for the Humanities, vasal2006@yandex.ru